

Культурная политика в Европе: выбор стратегии и ориентиры: Сб. материалов. М., 2002.

Культурное разнообразие, развитие и глобализация: По результатам дискуссий «круглого стола» / Под ред. В. Егорова, К. Разлогова. М., 2003.

Юнг К. Г. Архетип и символ. М., 1991.

А. В. Клещина

АМБИВАЛЕНТНОСТЬ ПОНЯТИЯ «КУЛЬТУРА» В СОВРЕМЕННЫХ АМЕРИКАНСКИХ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

В настоящее время проблемы межкультурной коммуникации необычайно важны как с практической, так и с теоретической точки зрения. Проблематика межкультурного взаимодействия уже давно перестала волновать умы одних ученых. В нашей повседневной реальности мы не столько анализируем теорию межкультурной коммуникации, сколько констатируем ее как обычную практику.

Интересующий нас культурологический взгляд на межкультурное общение еще не обрел своей окончательной формы в нашей стране, однако имеет по меньшей мере 50-летнюю историю исследований в США. Поэтому в рамках этой статьи мы обращаемся к американской школе межкультурных исследований. Тем самым мы опираемся на одну из наиболее разработанных, авторитетных и длительных научных традиций в данной области. Сформировавшаяся в американской школе методология оказала большое влияние и на европейскую школу: она легла в основу научного аппарата, базовых теоретических принципов, моделей, а также основанного на них практического инструментария. Теперь она постепенно распространяется и в России, задавая парадигму научных исследований.

Однако при всех ее преимуществах она все же не может быть принята безоговорочно, но должна стать предметом дискуссии. Обсуждая американскую методологию, мы постараемся показать свойственные ей противоречия, а также определенную непроясненность и непоследовательность теоретических оснований. Этот анализ проводится нами на примере центрального для межкультурных исследований понятия **к у л ь т у р ы**.

В любой работе по межкультурной коммуникации культура прежде всего определяется как некая тотальность, общность, охватывающая всю полноту земного бытия человека. Во-первых, принято подчеркивать масштабность, всеохватность и предельную абстрактность понятия «культура»: «Вам уже, должно быть, стало ясно, что культура обладает вездесущей многомерной, запутанной и всепроникающей сущностью» [Intercultural Communication, 1999, 7]; «...Мы должны начать с признания того, что культуру отличает колоссальная широта, масштаб и объем. <...> Культура, во всем своем богатстве и сложности, огромна» [Мацумото, 2002, 27].

Во-вторых, многие ученые останавливаются на описании важных феноменов, составляющих ядро любой культуры: «культура... это искусство и артефакты, верования, поведение, церемонии, представление о “я”, обычаи и традиции, идеи и мыслительные паттерны, знания, законы, язык, манеры, мораль, мифы и легенды, религия, ритуалы, социальные институты, орудия труда и ценности. Культура является общей суммой человеческого общества и его смыслов» [Chen, Starosta, 1998, 27]. Подобное определение тесно связано с тезисом об общечеловеческом характере культуры. Если согласиться с представлением о культуре как о чем-то свойственном всем людям, следует признать доказанным существование некой общечеловеческой культуры. Это, в свою очередь, влечет за собой необходимость считать культуру специфическим способом существования человека как такового, выделяющим его из мира природы.

Однако как только вводный разговор о культуре как теоретическом понятии предельной абстракции заканчивается, нашему вниманию предлагают несколько иную концепцию культуры. В соответствии с ней культура — это феномен, присущий определенной, конкретно взятой группе людей. Кроме того, акцент ставится на поведении как одной из ключевых манифестаций культуры. Именно через поведение американские ученые анализируют понятие «культуры», а значит, и межкультурной коммуникации, что во многом предопределяет ориентацию их исследований на практику. Они убеждены в том, что само по себе понятие «культура» является описательным конструктом, т. е. объясняет существующие отличия в практическом поведении у представителей разных групп, одновременно подкрепляя их.

Если мы обратимся к анализу нескольких классических американских концепций и трактовок понятия «культура» на примере типологии уровней межкультурной коммуникации, то сможем выявить несколько противоречий, раскрывающих амбивалентность использования понятия «культура». Обращаясь к истокам межкультурных исследований, необходимо отметить, что изначально под «межкультурной коммуникацией» исследователи понимали «международную или межнациональную коммуникацию», участниками которой был достаточно ограниченный, и даже избранный, круг людей. К ним принадлежали дипломаты и дипломатический корпус, министры и государственные чиновники по вопросам внешних дел, миссионеры, исследователи дальних стран и довольно ограниченное количество туристов.

Благодаря националистической парадигме, еще сохранявшей свое влияние в середине 1950-х гг., культура ассоциировалась исключительно с нацией и воспринималась как нечто целое, единообразное и однородное, присущее конкретному народу и являющееся его отличительной особенностью — той особой уникальностью, исключительностью, которая отличает его от других народов и наций. Подобное представление о культуре как о гомогенной общности было актуально на пике расцвета национальных государств и национальных идеологий, предуготованных становлением и бурным развитием индустриального общества. «По необходимости суверенитет государства в законодательной и исполнительной власти покоился на “треноге” военного, экономического и культурного суверенитета; другими

словами, на... способности к мобилизации культурных ресурсов, достаточных для поддержания идентичности и своеобразия государства через своеобразную идентичность подданных» [Бауман, 2004, 90].

Таким образом, мы видим, что в начале становления межкультурных исследований понятие «культура» было синонимом в первую очередь национальной культуры, а под межкультурной коммуникацией предполагалось взаимодействие представителей разных стран. Однако современные межкультурные исследования отличает сильное смещение акцентов и расширение фокуса исследований. Теперь предметом межкультурных исследований считают не только взаимодействие представителей разных стран, которое, конечно, тоже имеет место, но и взаимодействие представителей одной страны, принадлежащих к «разным» культурам или «домашним» субкультурам.

Обратимся к работе А. Рича, посвященной определению межкультурной коммуникации. Он сразу оговаривается, что перед ученым, занимающимся этой областью, стоит нелегкая задача, потому что межкультурная коммуникация — неоднозначное и противоречивое понятие. Оно вмещает в себя несколько уровней: 1) межкультурная коммуникация концентрируется на изучении взаимодействия людей, имеющих разное культурное происхождение; 2) межнациональная коммуникация сфокусирована на изучении взаимодействий между представителями разных наций; 3) межрасовая коммуникация сфокусирована на изучении взаимодействия членов численно или политически доминирующей культуры с другими субкультурами; 4) межэтническая, или коммуникация меньшинств, сфокусирована на изучении взаимодействии субкультур в рамках одной нации; 5) контркультурная коммуникация сфокусирована на изучении эволюционного процесса, связывающего межкультурную коммуникацию с межрасовой.

Совсем недалеко по времени от этой классической концепции отстоит другая, не менее значимая концепция, выдвинутая в 1980-е гг. В. Гудикунстом. Гудикунст использует практически все перечисленные позиции Рича, кроме последней, также выделяя межкультурную, кросскультурную, межнациональную и компаративную массовую коммуникацию. Аналогичной типологии придерживаются также Г. Чен и В. Староста: «В то время как содержание межкультурной коммуникации на протяжении времени по-разному классифицировалось учеными, никто не будет отрицать, что все они придерживаются исторически сложившегося круга межкультурной, кросскультурной, межрасовой и межэтнической коммуникаций, обозначенных в исследованиях Кондоном, Гудикунстом, Холлом, Оливром, Ричем и Смитом» [Chen, Starosta, 1998, 16—17].

Таким образом, существующие типологии наглядно демонстрируют изменение исследований, ранее отождествлявших сущность межкультурной коммуникации с международной (или межнациональной), а теперь расширяющих ее до межкультурной, кросскультурной, межрасовой и межэтнической. Это смещение акцента не случайно — оно раскрывает важные изменения, проявившиеся в интерпретации понятия «культура», наиболее значимые из которых связаны с трансформацией понятия «культурная граница», т. е. того места, где проходит грань

между «своей» и «чужой» культурой. Для пионеров межкультурный исследования эта граница была однозначной и четкой — межкультурная коммуникация являлась взаимодействием представителей других стран, а культура отождествлялась с феноменом, находящимся «за границей». Таким образом, «наша культура» была внутри нашего государства, а все остальное существующее культурное разнообразие находилось «по ту сторону» границы нашей страны.

Современные исследователи работают уже в рамках другой парадигмы, для которой типична смена и, в определенном смысле, нивелирование значения этой внешней по отношению к «нашей» культуре границы, вследствие чего предмет межкультурных исследований переносится внутрь. Об этом свидетельствует большинство научных работ, которые под влиянием глобализации, мультикультурализма и философии культурного плюрализма концентрируются на проблемах межкультурного взаимодействия в рамках одной страны, одного государства. Такое положение дел форсируется и изменением социальной ситуации, так как теперь участником «межкультурного взаимодействия» может стать и регулярно становится каждый американец.

Это смещение границ понятия «культура» легко проследить по замене термина «межнациональный» или «международный» (который практически исчез из научного аппарата исследователей) на «кросскультурный». При этом разница между межкультурной и кросскультурной коммуникациями с трудом улавливается даже при самом пристальном прочтении, например: «По мнению Гудикунста, в центре межкультурной коммуникации (здесь и далее в цитатах выделено авторами, разрядка наша. — А. К.) находится... межличностная коммуникация между представителями разных культур или субкультур, таких как, например, между китайцами и американцами или между белыми и афроамериканцами. <...> В центре изучения кросскультурной коммуникации находятся... различия в коммуникативном поведении между представителями разных культур, такими как стратегии переговоров между Свазис и южноафриканцами» [Chen, Starosta, 1998, 15].

Близость приведенных определений, обусловленная их практически полной тождественностью, наглядно демонстрирует, что кросскультурный подход, основывавшийся на сравнении культур через границы, уступил межкультурному, т. е. анализирующему культуры внутри одной страны, одного общества. Эта тенденция отражает постепенную смену ранее господствовавшей националистической парадигмы, результатом чего становится перемещение понятия «культура» с макроуровня на мезо- и даже микроуровень анализа и трактовки: «Они расширили рамки МКК (межкультурной коммуникации. — А. К.), которые в самом начале относились к международной коммуникации в Институте службы за границей, до коммуникации, которая имеет место между любым видом непохожих друг на друга индивидов» [Rodgers, Steinfatt, 1999, 73].

Эту тенденцию легко продемонстрировать на примере определений межкультурной коммуникации. Вот самое распространенное из них: «Как только мы разобрались со значением понятий “коммуникация” и “культура”, нам становится

ясно, что межкультурная коммуникация относится к коммуникации между представителями разных культур» [Chen, Starosta, 1998, 28].

Однако анализ типологии уровней межкультурной коммуникации показал, что понятие «культура» приравнивается к таким понятиям, как раса, нация или народ, этничность или этническая принадлежность. Кроме того, разновидностями культуры считаются контркультура и любая домашняя субкультура. Таким образом, следуя этой логике, под понятие культуры попадает практически все: от религиозной принадлежности человека, гендера и сексуальных предпочтений, его возрастной группы (например, молодежная субкультура или субкультура пожилых людей) до состояния здоровья, нетрудоспособности или инвалидности, вида профессиональной деятельности, хобби и любого увлечения, даже социально-экономического статуса, т. е. понятие «культура» в межкультурных исследованиях становится предельно размытым. Это приводит к тому, что межкультурная коммуникация включает практически любое взаимодействие, между любыми индивидами на межличностном или межгрупповом уровне: «Мы считаем межкультурной коммуникацией обмен информацией между культурно непохожими индивидами» [Rodgers, Steinfatt, 1999, 103].

Отмеченные нами фатальная неопределяемость и предельная прозрачность понятия «культура» обуславливают в значительной степени следующую (вторую) особенность межкультурных исследований — методологическую неточность в соотношении уровней коллективной (или социальной) и личностной (или индивидуальной) идентификации, которая очень часто имеет место. Это происходит потому, что для приведения необозримого множества культур к какому-то одному знаменателю современные теоретики предлагают рассматривать культуру как некую *коллективную идентичность* любого вида и уровня функционирования.

Это теоретическое положение подкрепляется приравниванием культуры к основному фактору, определяющему коллективную идентичность: «...основным признаком обозначаемых этими словами группы людей (этнос, нация, лингвокультурное сообщество. — *А. К.*) является *общность культуры* входящих в нее индивидов» [Гудков, 2003, 41]. Это становится возможным за счет определенного набора ценностей, выделяемого для той или иной культуры. Таким образом, оказывается, что культура как ядро любой коллективной идентичности уравнивается с такими групповыми идентичностями, как нация, этнос, гендер, а затем и любой другой уникальной социальной общностью, обладающей собственной системой ценностей.

В таком контексте за культурой закрепляется характеристика уникальности, самобытности, своеобразности, особенности, которую так называемая культурная компонента вносит в любую социальную структуру или социальную организацию. Современными авторами подчеркивается, что только такая самобытность позволяет создать некую общность, единство, основанное на разделяемых членами группы культурных ценностях, нормах, традициях.

Привлечение концепции коллективной идентичности, с одной стороны, раскрывает максимальную гибкость и без того амбивалентного и сложного понятия

«культура», позволяет сохранять видимую целостность методологического подхода, потому что культура, или «культурная компонента», придает любой социальной структуре ценностно-нормативный и уникально-самобытный аспекты. Поэтому исследователь межкультурной коммуникации может описывать и великие культуры, и незначительные субкультуры, и мало кому известные коллективные идентичности, и даже отдельно взятую личность. Это позволяет сталкивать множество ранее существовавших изолированно и неизвестных друг другу больших и малых групп людей и характерный для них жизненный уклад в рамках одного исследования.

С другой стороны, использование этой концепции таит в себе больше проблем, чем оно призвано решать, потому что безобидные на первый взгляд утверждение и вера в самобытность или уникальность некой группы, на которых выстраивается любая общность, должны уравниваться менее безобидным установлением отличия от других подобных общностей: «Нельзя не согласиться с тем, что любая социальная группа, осознающая и конституирующая свое единство... противопоставляет себя другим группам, основываясь на определенных признаках, которые играют роль дифференцирующих по отношению к этим “другим” и интегрирующих по отношению к членам своей группы» [Гудков, 2003, 42].

Так в интерпретацию понятия «культура» закрадывается тенденция редуцировать культуру до культурного различия. Когда «культура» рассматривается сквозь призму единой системы ценностей, а культурная идентичность становится попыткой конструирования единой надидентичности, мы наблюдаем, как межкультурные исследования попадают в своего рода ловушку. Вместо преодоления существующей разобщенности и создания некой наднациональной, надэтнической и другой альтернативы, они впадают в бесконечное поле фрагментации и различия. Это приводит к тому, что культурное различие становится определяющим критерием выделения культуры или коллективной культурной идентичности во многих современных работах.

Еще одной отрицательной чертой концепции коллективной идентичности в ее нынешнем варианте является то, что объектами для выводов и заключений экспертов в области межкультурной коммуникации служат обычно отдельно взятые индивиды и их самоидентификация. Это означает, что большинство исследований основывается на материалах разного рода тестов, опросов, анкетирования и интервью представителей разных культур, т. е. преобладает межличностный уровень анализа. Результаты такого рода исследований затем обобщаются до следующего уровня – коллективного или социального — методом экстраполяции. Об этой методологической проблеме хорошо говорит В. Малахов, указывая на то, что «при одном и том же слове мы имеем дело с разным предметом», и далее настаивая на том, что при всей взаимосвязанности «индивидуального» и «социального» они должны быть обязательно методологически разграничены, потому что «общество, в отличие от личности, не имеет качества субъективности» [Малахов, 2001, 86—87].

Кроме того, в результате взаимодействия проанализированного нами смещения понятия «культура» внутрь культурной границы и перемещения анализа это-

го понятия с макроуровня на мезо- и даже микроуровень, а также получившим распространение смешением социального измерения индивида с коллективной идентичностью обнаруживается третье фундаментальное и опасное, на наш взгляд, противоречие — проблема отождествления и даже подмены понятий нации и этноса понятием «культура», которая заводит в еще больший тупик исследователей межкультурного взаимодействия.

Действительно, стоит отметить характерную для нашего времени тенденцию — использование понятия «культура» вместо скомпрометированных понятий, ранее употреблявшихся в научном и публицистическом языке. Эта «политкорректная» подмена понятий имеет длительную историю, на протяжении которой широко употреблявшиеся в науке XIX в. понятия «раса», «расовый» оказались дискредитированными и были заменены понятиями «нация», «национализм». Последние, в свою очередь, также вскоре были подвергнуты критике и заменены на более нейтральные — «этнос», «этническая принадлежность».

Тем не менее сила этих конструктов, заключавшаяся в том, что они соединяли рациональное осмысление расы, народа, нации с интуитивным представлением о коллективном единстве, имеющем очень древние, даже архаичные, корни, по-прежнему присутствует в гуманитарных науках и продолжает оказывать влияние, несмотря на существование современных рационализированных и более «инструментальных» способов изучения и понимания коллективных идентичностей.

Подобная укорененность этих конструктов не только вносит неясность и двусмысленность в базовые теоретические понятия, но также находит воплощение в реальной жизни, чем и представляет угрозу современному обществу. В частности, В. Малахов показывает, как на смену дискурсу психологии народов, или этнической психологии, с его разработанной немецким романтизмом и идеализмом терминологией пришло модернизированное понятие «национальный характер». К 60-м гг. XX в. отказ от этой «старомодной терминологии» отнюдь не повлек за собой кардинальные изменения способов мышления и интеллектуальной рефлексии: «Тем, кто за него (термин «идентичность». — *А. К.*) с такой охотой ухватился, он позволяет преспокойно практиковать привычный способ мышления, не рискуя навлечь на себя критику. Это мышление мы... будем именовать “культуроцентризмом”. В отличие от этноцентризма прошлого, данный способ мышления имеет своим исходным пунктом и базисным понятием не “народ”, “дух народа” или “этнос”, а “культуру“» [Малахов, 2001, 64].

Именно этот культуροцентричный тип мышления задает тон и оказывается определяющим в политике и науке динамично развивающихся стран западного типа. Это подтверждается тем, что он признается нормой и ставится во главу такой пользующейся авторитетом философии, как культурный плюрализм, а также идеологии мультикультурализма и политики идентичности, которые определяют направленность и парадигму взаимоотношений современного общества и государства.

Э. Смит, анализируя национализм как явление современности, пишет: «В сущности, часто мы имеем дело с двумя разновидностями национализма, с перемен-

ным успехом конкурирующими друг с другом по силе и влиянию; когда политический национализм действует нерешительно и теряет свою силу, культурные националисты как бы перенимают эстафету и пытаются возродить разочарованное и подавленное сообщество» [Смит, 2004, 324]. Смит подчеркивает и заостряет мысль Дж. Хатчинсона об естественном для современной цивилизации долгосрочном альянсе политического и культурного, или об имеющей место политизации культуры. Это обусловлено тем, что цель политики, которой является создание автономных государственных институтов, не может быть достигнута без мобилизации населения посредством культуры или духовного возрождения общества. Именно культура создает общность через чувство единения и цельность коллективной идентичности.

Приведенная цитата обнаруживает историческую связь между эпохой Нового времени и формированием единства политического и культурного. Это подтверждается тем, что понятие «культура» и связанная с ним проблематика появляется и начинает широко использоваться в философии и исторической науке лишь во второй половине XVIII в. Следовательно, «культура» и традиция ее осмысления является неотъемлемой частью определенного социокультурного и исторического контекста, в частности традиций французского просвещения и немецкого романтизма и идеализма.

Обе европейские традиции осмысления понятия «культура» бесспорно сыграли важную роль в развитии современных представлений. Но важнее всего то, что они до сих пор остаются встроенными в парадигму нашего мышления, несмотря на все происшедшие изменения. Подтверждений этому в работах по межкультурной коммуникации можно найти более чем достаточно. Во-первых, это двойственность и методологическая противоположность подходов к определению культуры как предельной абстракции, общечеловеческой тотальности и в то же время уникальности, конкретной самобытности, присущей определенной группе людей. Во-вторых, принятое в межкультурных исследованиях определение культуры как некой коллективной идентичности, обретающей свою тождественность и уникальность за счет культивирования различия. В фокусе исследований оказывается самобытный «дух» некой социальной общности, ее система ценностей и мировоззрения.

Все описанные процессы отражают не только ситуацию в области научных исследований, но и социальные и политические процессы. Культурная политика со временем закрепляется в качестве определяющего фактора международной политики: «...поучительно, что представления о балансе сил... оказываются пронизанными не деконтекстуализированным балансированием, но культурной политикой» [Нойманн, 2004, 131].

Э. Смит также освещает тесную взаимосвязь политического и культурного, или политизацию культуры, убедительно показывая, каким образом национальная культура как феномен и национализм как идеология возникают в ответ на вызов эпохи Нового времени, когда люди, пережив крушение традиционного общества с его устойчивой системой социальных отношений, обратились к «трансисторичес-

кой нации», которая становится единственным похожим вариантом замены разрушенной традиционной семьи, соседской и религиозной общины. Он доказывает, что нация как государственно-институциональное формирование, создаваемое на основе этносов, оказалась возможной только при условии активации социальной, т. е. культурной, памяти.

Итак, понятие «культура» возникает и занимает умы ученых к середине XVIII в. вследствие выхода культуры на политическую арену. Культура начинает рассматриваться как центр уникальности и неповторимости нации, как ядро национальных ценностей. После этого культуру все труднее становится отделить от государства. Культура оказывается важнейшей частью проводимой государством политики и стратегией создания единства сообщества, что сопровождается формированием специфического дискурса, зафиксировавшего отмеченную двойственность понятия «культура». Несмотря на перегруженность этого понятия идеологическими и политическими смыслами, культура декларируется как нечто противоположное политике — как предельно общее и универсальное: надрасовое, наднациональное, надэтническое, т. е. формирующее общность людей не силой, а духовным единством.

Все приведенные выше рассуждения показывают, что рассмотренный нами параллелизм понятий культуры и расы, культуры и нации, культуры и этноса, или этнической принадлежности, является неизбежным. В условиях современного мира, когда постепенно нивелируется значение мощных государств и социальных классов, трактовка культуры как коллективной идентичности позволяет легко распространить и отождествить это понятие с множеством существующих социальных групп, образованных по всевозможным основаниям. Однако необходимо отметить, что подобное отождествление допустимо разве что только метафорически.

Например, употребление таких выражений, как конфликт культур или культурные противоречия, в средствах массовой информации или публицистическом жанре апеллирует к коллективному бессознательному и является средством конструирования конфликтов на этнической и национальной почве. Политическая и социально-этническая напряжённость облекается в форму культурной. Важнейшие общественные проблемы маскируются внешне нейтральным языком, что способствует политизации и идеологизации культуры.

Область исследований межкультурной коммуникации в первом приближении выглядит достаточно нейтрально и даже политкорректно, несмотря на уже отмеченную методологическую двойственность в определении понятий «культура» и «межкультурная коммуникация», которая способствует неопределенности понятия «культура». Но в действительности понятие культуры сводится к понятию культурного различия: «Озабоченность культурным различием вызвала к жизни союз культуры и коммуникации и признание межкультурной коммуникации как уникального поля научных исследований» [Intercultural Communication, 1999, 6].

В результате понятие «культура» декларируется как общность, единство, уникальность наднационального, надэтнического уровня — деполитизированный, нейтральный и мирный социальный конструкт. Однако при попытке практического

применения оно выступает воплощением культурного различия, за которым скрывается совсем не безобидный механизм закрепления и использования различия. Его сущность сводится к выделению и интерпретации различий как естественно присущих тем или иным социальным образованиям. Этот механизм обусловлен отождествлением понятия культуры с понятиями нации и этноса и становится основополагающим в рамках функционирования современных культурных политик, выстраивая процесс самоидентификации человека. Это, в свою очередь, лежит в основе возникновения проблем межкультурной напряженности и межкультурного непонимания, а также социальных конфликтов, которые призваны предотвращать специалисты в области межкультурной коммуникации.

-
- Chen G., Starosta W. J. Foundations of Intercultural Communication. Boston, 1998.*
Intercultural Communication: A Reader / Eds. R. E. Porter, L. A. Samovar. Wadsworth Publishing Company, Belmont, 1999.
Rodgers E. M., Steinfatt T. M. Intercultural communication. Illinois, 1999.
Бауман З. Глобализация: Последствия для человека и общества. М., 2004.
Гудков Д. Теория и практика межкультурной коммуникации. М., 2003.
Малахов В. Скромное обаяние расизма и другие статьи. М., 2001.
Мацумото Д. Психология и культура. СПб., 2002.
Нойманн И. Б. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М., 2004.
Смит Э. Д. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма. М., 2004.

Т. И. Кузуб

ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ

В современной культурологической теории выявляются новые аспекты понимания культуры и искусства, связанные с процессами глобализации и информатизации. Об этом в XX в. пишет ряд зарубежных и отечественных исследователей: Р. Барт, М. Фуко, Ж. Деррида, Х. Ортега-и-Гассет, Т. Адорно, В. Беньямин, М. Маклюэн. Семиотический аспект современной информационной культуры подробно исследуется в работах отечественных ученых М. Бахтина, В. Библиера Ю. М. Лотмана, Л. Н. Когана, М. С. Кагана, В. А. Конева, Н. Б. Кирилловой.

В этих исследованиях происходит становление многоаспектного понимания современной культуры чрез призму понятия «медиа». Культура рассматривается как система культурно-информационных отношений, в которых текст, информация, произведение, сообщение возможны как культурные реалии только при нали-